

Собрав и установив каменный жернов, Сюн Цзиньчжоу огляделся и, не найдя больше дел, подошёл к Нин Гуйчжу. Он присел рядом, выбрав удобное место, и стал наблюдать, как тот уверенно и ловко плетёт бамбуковую корзину.

Почувствовав на себе его взгляд, Нин Гуйчжу на мгновение задумался и спросил:

— Хочешь попробовать научиться?

Сюн Цзиньчжоу тут же оживился:

— А как это делать?

— Подожди немного, я почти закончил. Потом начнём вместе, с самого начала.

Услышав это, Сюн Цзиньчжоу не стал больше мешать, поднялся, принёс табурет, пересчитал бамбуковые полосы и прутья, которыми пользовался Нин Гуйчжу, затем сходил за материалами и положил рядом две заготовки.

Нин Гуйчжу аккуратно оформил край корзины, крепко стянул бамбуковые полосы и ножом срезал лишнее. Он чуть закатал рукава, взял новые прутья и полосы и, усевшись рядом с Сюн Цзиньчжоу, начал показывать всё с нуля.

На словах принцип бамбукового плетения казался простым, но стоило взяться за дело, как сразу становилось ясно, насколько это непросто. Сюн Цзиньчжоу прежде никогда не занимался подобным, поэтому вначале у него всё выходило неуклюже и сумбурно; Нин Гуйчжу не раз прерывал свою работу, чтобы помочь ему. Зато силы у Сюн Цзиньчжоу было хоть отбавляй, он буквально удерживал конструкцию одной лишь мощью рук, не давая ей развалиться.

Закончив свою корзину, Нин Гуйчжу улыбнулся, подперев щёку рукой, и стал смотреть, как возится Сюн Цзиньчжоу. Лишь спустя какое-то время он спросил:

— Помочь?

Сюн Цзиньчжоу глухо ответил:

— Не нужно.

Раз он так сказал, Нин Гуйчжу стряхнул с одежды бамбуковую стружку и пыль, подошёл к кухне и вымыл руки.

— На ужин хватит папоротника? Или мне ещё сходить и набрать диких овощей?

— Папоротника достаточно.

Нин Гуйчжу кивнул, стряхнул воду с рук и взял со стола горсть слегка подвяленного папоротника, направившись на кухню. Жизнь у крестьян была бедной, и обычно они ели два раза в день - утром и вечером. Завтракали поздно, ужинали рано, а с наступлением темноты ложились спать. Но сегодня после полудня они уже перекусили, поэтому Нин Гуйчжу занялся ужином лишь теперь, когда солнце почти село.

Он нарезал папоротник кусочками длиной с большой палец и отложил в сторону. Затем отрезал небольшой кусок грудинки, добавил к нему немного сала, которое подарил мясник, нарезал всё соломкой, сбрызнул соевым соусом и хорошенько перемешал, оставив мариноваться в миске. В очаге он разжёг огонь.

Смазанную маслом железную сковороду он поставил на огонь, высыпал папоротник, обжарил до готовности, добавил соль, затем всыпал оставшийся с обеда папоротник и всё тщательно перемешал. Плеснув немного воды, он протушил овощи минуту-другую и переложил в блюдо.

Воду после мытья сковороды он слил в пустую миску. Когда сковорода высохла, Нин Гуйчжу добавил ложку масла и выложил замаринованное мясо, обжаривая его до румяности. Соевый соус в эту эпоху был густого, насыщенного цвета и обладал ярким ароматом. Во время жарки запах соуса смешивался с ароматом мяса, вызывая невольное слюноотделение.

Когда мясо прожарилось, Нин Гуйчжу подлил воды, накрыл сковороду крышкой и оставил немного потомиться.

— Сюн Цзиньчжоу, пора есть!

Окликнув мужа, он поставил на стол блюдо с папоротником и достал оставшиеся с обеда грубые лепёшки. Увидев, что Сюн Цзиньчжоу ещё не зашёл, Нин Гуйчжу взял две лепёшки, раскрошил их в воду после мытья посуды и вынес миску наружу покормить собак.

Сюн Цзиньчжоу всё ещё подшивал край бамбуковой корзины. Увидев, как Нин Гуйчжу выходит с миской в руках, он невольно ускорился, и как раз к тому моменту, когда Нин Гуйчжу, покормив собак, обернулся, корзина была закончена.

Нин Гуйчжу подошёл ближе, пригляделся и рассмеялся:

— Вполне неплохо.

Сюн Цзиньчжоу:

— ...

Сказать такое с совершенно серьёзным видом - на это Нин Гуйчжу действительно был к нему добр. Иначе такое изделие вряд ли заслуживало похвалы.

— Эти бамбуковые полосы ещё можно использовать? — спросил Сюн Цзиньчжоу. — Или лучше порубить их на дрова? Я потом ещё бамбука принесу.

Услышав это, Нин Гуйчжу с трудом сдержал улыбку и ответил:

— Не нужно. Да, получилось грубовато, но для сушки овощей сойдёт.

И правда. Сюн Цзиньчжоу быстро согласился с этой мыслью и даже проникся уважением к собственному труду - для первого раза вышло уже неплохо.

Они вымыли руки и вернулись на кухню. Мясной суп с соложкой как раз закипел.

— Как вкусно пахнет... — не удержался Сюн Цзиньчжоу.

Губы Нин Гуйчжу приподнялись, настроение заметно улучшилось. Когда твою стряпню искренне хвалят, это и правда приятно.

В супе мяса было немного, больше бульона, но аромат мяса и жира чувствовался отчётливо, а соевый соус придавал насыщенный вкус и идеальную солёность. Один глоток, и на душе становилось тепло.

Нин Гуйчжу сел за стол с чашкой супа, разломал грубую лепёшку и положил куски прямо в бульон, после чего первым делом взял палочками немного жареного папоротника. Тот был хрустящий, с лёгкой скользкой текстурой, очень ароматный. Съев пару кусочков овощей, он подхватил размокший в супе кусок лепёшки и отправил в рот. Сама лепёшка была всё такой же грубой, но, пропитавшись мясным бульоном, становилась удивительно вкусной, настолько, что её жёсткая текстура почти не ощущалась.

Вкусно.

Сюн Цзиньчжоу тем временем ел так, как привык: грубую лепёшку он не размачивал, а просто чередовал - кусок лепёшки, глоток супа, изредка зажимая палочками немного овощей и подкладывая их внутрь, прежде чем откусить. Ел он широко, размашисто, с таким аппетитом, что со стороны можно было подумать, будто перед ним не простая крестьянская еда, а какое-нибудь редкое угощение.

Нин Гуйчжу опустил взгляд, сделал пару глотков мясного бульона, отодвинул соложку из мяса

в сторону, оставив её напоследок, и отправил в рот папоротник с крошками лепёшки. Чувство сытости и удовлетворения накрыло сразу.

Они оба подходили за добавкой ещё два раза, пока не доели суп до последней капли. Лепёшки тоже закончились, а вот папоротника, судя по всему, оставалось немного. Подумав об этом, Нин Гуйчжу едва заметно нахмурился - он не любил еду, оставшуюся на следующий день.

И как раз в тот момент, когда он задумался, Сюн Цзиньчжоу переложил весь оставшийся папоротник к себе в чашку:

— Тут совсем чуть-чуть, я тогда всё доем.

Увидев это, Нин Гуйчжу расслабился и улыбнулся:

— Хорошо.

Еда была съедена подчистую. Сюн Цзиньчжоу быстро собрал посуду, вынес её во двор и, зачерпнув древесной золы, принялся мыть. Нин Гуйчжу тем временем протёр стол, лавку и очаг, сполоснул тряпку и повесил её рядом сушиться. Выйдя из кухни и взглянув на солнце, уже почти коснувшееся горизонта, он закатал рукава и начал снимать с жердей высушенный папоротник.

— Потом надо будет отнести корзины и мешки обратно в главный дом, — сказал он.

Говоря это, Нин Гуйчжу снял с кучи бамбука тканевые мешки, сложил несколько корзин одну в другую и уложил мешки в самую верхнюю.

Сюн Цзиньчжоу откликнулся.

Деревянные чашки, пропитанные жиром, отмывались с большим трудом. Он долго тёр их, пока наконец не смыл грязь и масло, затем зачерпнул ковш воды из стоявшего рядом ведра, ополоснул посуду от древесной золы и убрал всё обратно в шкаф.

Когда он вышел наружу, Нин Гуйчжу уже успел убрать весь папоротник. Увидев это, Сюн Цзиньчжоу быстрым шагом подошёл, поднял полную корзину с папоротником и отнёс её в зал, поставив на стол.

Плотно закрыв все двери и окна в доме, Сюн Цзиньчжоу вынёс корзины вместе с Нин Гуйчжу; они ещё не успели дойти до дома родителей, как увидели Сюн Шишаня, присевшего у ворот и беседующего с кем-то.

Заметив, что они несут корзины, Сюн Шишань поднялся и с улыбкой сказал:

— Да оставили бы у себя, зачем обратно тащить?

— У нас теперь есть свои, временно эти не нужны, — ответил Нин Гуйчжу.

Услышав это, стоявший рядом человек с кислым выражением лица вмешался:

— Да вы в последние дни столько всего накупили... Послушай доброго совета: жить-то надо экономно. Вы ведь не помещики, откуда столько денег всё это покупать?

Слова вроде бы звучали как забота, но тон неприятно резал слух.

Сюн Шишань, словно не заметив подтекста, всё так же добродушно рассмеялся:

— Да что уж там, Цзиньчжоу ведь умеет зарабатывать. Потратили, и ладно, лишь бы молодые ладили друг с другом.

Сюн Цзиньчжоу спокойно добавил:

— Отец прав. Потратить несколько лян серебра ради хорошего настроения - оно того стоит.

— ...

Тот человек замялся, хотел было что-то сказать, но, встретившись взглядом с Сюн Цзиньчжоу, так и не осмелился вымолвить ни слова.

Семья Сюн была зажиточной, а Сюн Цзиньчжоу к тому же был главой уездной стражи - за спиной у него хватало и зависти, и ревности. Услышать в лицо колкости было делом самым обычным. Раньше ещё могли посмеиваться: мол, какой бы он ни был удалец, а всё равно не смог взять жену из порядочной семьи.

А тут вдруг всего пару дней назад прошёл слух, что Сюн Цзиньчжоу женился, да ещё и на человеке, который и вышивать умеет, и грамоте обучен. Зависти стало только больше. Наконец-то нашёлся повод зацепиться, мол, слишком уж они деньги транжирят. Кто бы мог подумать, что и Сюн Шишань, и сам Сюн Цзиньчжоу отнесутся к этому вот так.

Не добившись реакции, тот человек смущённо ретировался.

Нин Гуйчжу отвёл взгляд и спросил:

— Это тоже ваш родственник?

— Нет, — ответил Сюн Цзиньчжоу. — Его фамилия Лю. Если столкнёшься, можешь звать его дядей Лю, а не хочешь, так и вовсе делай вид, что не видел.

Услышав эти слова, Сюн Шишань и бровью не повёл, будто ничего не слышал. Он перехватил у Сюн Цзиньчжоу корзины и пошёл впереди, в дом, приговаривая:

— Проходите, заходите.

Заметив такую реакцию Сюн Шишаня, Нин Гуйчжу слегка приподнял бровь и тихо спросил Сюн Цзиньчжоу:

— У вас с этим дядей Лю плохие отношения?

— Терпимые, — ответил тот. — Просто язык у него скверный, любит ссорить людей.

Нин Гуйчжу нахмурился, таких людей он не очень понимал. Сам он хоть и жил трудно, но ему везло: вокруг попадались в основном нормальные люди, умеющие пожалеть слабого, уважить старших и искренне желающие другим добра.

Все трое вошли в дом. Они не успели толком усесться, как вернулись Лю Цюхун и Ван Чуньхуа. Увидев их, Ван Чуньхуа вытащила из корзины пучок зелени:

— Как раз вовремя. Заберёте потом домой пучок мяньтяо*.

Нин Гуйчжу обернулся, присмотрелся и обрадованно сказал:

— Тогда не буду церемониться. Невестка, где ты её набрала? Такая молоденькая, нежная!

(ПП: Дикое или полукультивируемое листовое растение, широко употребляемое в пищу в сельских районах Китая, особенно в прошлом)

Листья мяньтяо тонкие, продолговатые, плотные и в то же время мягкие; это один из тех видов дикорастущей зелени, что обладают приятным вкусом.

Увидев, что Нин Гуйчжу она пришлась по душе, Ван Чуньхуа улыбнулась ещё шире и сказала:

— Я собирала её на западной окраине деревни. Если нравится, завтра могу сводить тебя туда, наберём ещё.

— С удовольствием, — откликнулся Нин Гуйчжу.

Договорившись на следующий день пойти вместе за дикой зеленью, Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу посидели ещё немного. Когда же стало ясно, что скоро совсем стемнеет, они поднялись и отправились домой.

Остатки дневного света ложились на землю, едва освещая дорогу.

— Чжу-гер, смотри, — вдруг сказал Сюн Цзиньчжоу.

Нин Гуйчжу поднял голову и проследил за его взглядом. В чаще леса мерцали редкие огоньки - несколько светлячков неспешно порхали между деревьями, оставляя за собой длинные светящиеся следы. Казалось, лето пробудилось в это мгновение: в воздухе зазвучало тихое стрекотание насекомых.

Когда Нин Гуйчжу отвёл взгляд, он заметил, что Сюн Цзиньчжоу смотрит прямо на него. Тот слегка смутился, отвернулся и поторопил:

— Пойдём скорее, ещё лекарство пить и умываться.

Глядя, как он быстрым шагом уходит вперёд, Сюн Цзиньчжоу вдруг ощутил необъяснимую радость. Он машинально приложил руку к груди, пытаясь понять, откуда взялось это чувство, но, не найдя ответа, просто махнул на раздумья рукой, ускорил шаг и догнал Нин Гуйчжу. В дом они вошли почти одновременно.

<http://bllate.org/book/14958/1342965>